

О ХУДОЖНИКАХ-ПАЧКУНАХ

Среди средневековых преступных профессий одна из самых мрачных и жестоких — это уродование детей. Мастера этого дела назывались коmprачикосами. Гюго рассказал о них в романе «Человек, который смеется». Коmprачикосы калечили детей, превращали их лица в чудовищную маску. Отвержение к маленьким уродцам и сострадание к ним становились источником выгодного нищенского промысла.

Коmprачикос — страшная гримаса орудья пытки. Но не страшно ли, не дико ли восторгаться в наши дни, в нашей стране людей, которые уродуют детей своими мастерством, — конечно, на бумаге, только на бумаге, только в рисунке!

Вот книга, которую переиздываем с отвращением, как патолого-анатомический атлас. Здесь собраны все виды детского уродства, какие только могут родиться в воображении коmprачикоса: ужасные рахитики на спичечных ножках с раздутыми животами, дети без глаз и без носа, дети-обезьяны, слабоумные мальчики, одичавшие и заросшие девочки. Здесь и взрослые-уроды, и животные — валяки. Вот ужасная повесть, вызывающая чувство тошноты и омерзения. Вот еще хуже — ободранный падезь: все, что осталось от лошади.

В этом мире уродства даже и растения словно прошли через руки коmprачикоса: деревья болезненно искривлены, в омерзительных наростах, волдырях, гнусных пальмах, колючих кустарниках, льно липкие ароматы. Солнце никогда не заглядывало в эти мрачные джунгли.

Даже вещи, обыкновенные вещи — столы, стулья, чемоданы, лампы — они все исковерканы, сломаны, испачканы, приведены умышленно в такой вид, чтобы противно было смотреть на них и невозможно ими пользоваться. Слово прошло по всей книге мрачный, смрачный коmprачикос, смертельно ненавидящий все осязаемое, простое, радостное, веселое, утешное, нужное, — и все испортил, изгадил, на всем оставил гнусную печать. А сделав свое скверное дело, раскинулся с удовольствием: Рисунки художника В. Лебедева.

И вместо подвеса на латинском языке во всем эти коmprачикосы изображены

уродства — простые, милые, веселые сказки С. Маршака¹⁾. Вместо марки медицинское издательство — кудренатая фирма «Академия». Нет ничего более разительного, чем контраст между жеманно-радостным тоном сказок-стихов Маршака и ятым мрачным разгулом уродливой фантазии Лебедева, который, если бы захотел, мог бы дать талантливые, понятные рисунки. В сказках все слова простые, смешные, ясные, — за это и любят их малые ребята. А в рисунках — показно, извращено, совсем не смешно, непонятно, никак не связано с текстом.

«Он бач, яка кака намалевана», — говорила гоголевская молодница, поднося расплакавшегося ребенка к картине, на которой кузнец Вакула изобразил гадкого чорта. Такова была педагогика старой деревни. Но художник Лебедев и ему подобные коmprачикосы в искусстве малютку свою «скаку» совсем не для того, чтобы пугать детей. Они, напротив, хотят понравиться детям. Они даже думают, что воспитывают в детях эстетическое чувство. Так некоторые взрослые думают, что дети их поймут лучше, если они будут говорить: «Посмотри, деточка, какой уминый твой папюшка». Детский лепет очень мил. Когда ребенок лепечет, он старается говорить так, как взрослому. Он учится. Это серьезный труд. Когда старший и умный дядя начинает умильно лепетать, то это только глупо и противно. В этом нет ни искусства, ни труда.

Странно, что этого не замечает сам Маршак. У него в этой книжке есть сказка о «Мастере-домастере». Как же пустил он на страницах своей книжки мастера-пачкастера?

Лебедев — не единичное явление. Встрещала коmprачикосов детской книги, мастеров-пачкастеров. В этом же издательстве «Академия» художник П. Росенфельд изуродовал «Конька-горбунка». Художник Копащевский испачкал сказки Чуковского. Это сделано не от бездарности, не от безграмотности, а нарочно — в стиле якобы детского примитива. Это — искусство, основная цель которого — как можно

меньше иметь общего с подлинной действительностью.

В живописи, в скульптуре это искусство вызвало себя некогда передовым «делами». Оно было откровенно формалистично. Его буржуазную природу разоблачало пристрастие ко всякому уродству, ко всякой извращенности. Это искусство допускало человека на позорно лишь при условии, чтобы этот человек походил на труп. Оно мирилось с природой лишь в том случае, если от природы ничего не оставалось. Этот формализм не изжит до сих пор. Он имеет своих «мастеров» и адвокатов. Он иногда маскируется не без искусства.

Нигде формализм не разоблачает себя до такой степени, как в рисунках для детей. Именно здесь со всей силой выступают его внутренняя пустота, мертвечина, гниль. Пачкотня в детской книге глубоко реакционна, потому что она отрицает полностью и начисто весь реальный детский мир. Здоровый, веселый, радостно смеющийся советский ребенок ненавидит художнику-коmprачикосу, как ненавидит и обыкновенный мир растений, птиц, вещей, машин. В книге сказок Маршака есть стихи о Дикобразе. Какие грязные, мрачные иллюстрации сочинил к этим стихам Лебедев! Вместо крапа — у него размазавшая чернильная клякса. Но и люди у него — клякса, и звери — клякса, и дети — клякса. В этом мире размазанных чернил нет и не может быть ни снега, ни солнца. Да они и не нужны художнику. Более того, они ему непонятны, потому что реальные, живые, говорят о здоровье, о силе, о красоте. Формализм свысока и презрительно относится к реальному миру, к живым краскам и звукам. Он отвергает в живописи цельность образа, как в музыке отщипывает мелодию и лезет фразы.

Формалист пренебрежительно относится к широкой аудитории. Он не только не хочет быть понятным, — он усматривает в понятности оскорбление для себя. И если ему удастся иногда замаскировать это среди взрослых, то он выхватывает себя с головой, влезая в детский мир. Только человек, не любящий советских детей, мог так изобразить ивовый восток,

как это сделано на стр. 107 в книжке Маршака.

Но о ребятах — читателях книги, думая художник, когда упражнялся в своих рисунках, а только и единственно о себе. Поможет ли ребенку рисунок подхватить и усвоить текст сказки, — это дело десятое, это и вообще не входит в задачи искусства. Осмысление — в пощехах жизни, которая ласкает взор самого художника. По существу это рисунки для небольшой группы эстетов, приторможенные в книге для детей. Дети отвернутся от пачкотни формалиста, но «любители» с удовольствием поставят книгу на полку изданий дурного вкуса.

Уродство имеет свою историю в искусстве. Известны, например, химеры Нотр-Дам де Парв. Не станем вдаваться в анализ источников, родивших эти мрачные образы. У советских мастеров — иные источники вдохновения. Во всяком случае надо без пощадки гнать людей, которые вздумали бы украшать степи советского детского дома скульптурой в стиле парижских химер. Кто не умеет или не хочет просто, весело, любовно работать для советских детей, кому ненавиден радостный и солнечный мир советского ребенка, кто способен только налевать «сказки» для своего собственного удовольствия, тот пусть уйдет подальше от ребят.

На совещании по детской литературе при ЦК ВЛКСМ тов. А. А. Андреев говорил: «Всю эту мазию, которая не дает никакого реального представления о действительности, и все изращения в этой области надо из детской литературы беспощадно изгонять. Пусть такие художники рисуют свои рисунки для себя, для своего собственного удовольствия, а нашему ребенку эту мазию приносить не позволим. Просто тошнотливо и больно иногда становится, когда берешь детскую книжку в руки с такой мазией».

Формализм забрался довольно глубоко в детскую книгу, пользуясь покровительством эстетствующих издателей. Только борьба с левачским уродством в живописи откроет путь для подлинного и полноценного художественного оформления советской детской книги.

¹⁾ С. Маршак — Сказки, песни, загадки.